

Проблемы полезности наказания и пути их решения

Аннотация: Определить степень реализованности, действенности наказания целесообразно путем соотношения поставленной цели и полученного результата. При этом, естественно, следует иметь в виду, что между поставленной обществом целью - систематическим уменьшением состояния преступности в целом, ее тяжких и особо тяжких видов в частности, и фактическим результатом существует довольно значительная дистанция, которую следует преодолеть. На этом пути может быть целый комплекс взаимосвязанных обстоятельств, влияющих на эффективность достижения. Сложность определения полезности наказания связана также с неопределенностью, неясностью самой цели, в отличие от результата, который свободно и точно выражается в числовых показателях.

Измерение эффективности наказания посредством числовых показателей невозможно. Они могут основываться на относительных величинах числа: низкая, средняя, максимальная; худшая, средняя, лучшая; малая, средняя, большая. Мы предлагаем выделить четыре условных ступени эффективности уголовного наказания, в зависимости от существующего результата преступности: высокоэффективная, среднеэффективная, малоэффективная, неэффективная (нулевая эффективность).

Говоря о бесполезности наказания, нельзя забывать, что его возможности ограничены и что на результат оказывают влияние многочисленные условия и обстоятельства социального порядка, в том числе экономическая и политическая ситуация в стране. Недостижение цели еще не

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

значит, что средство бесполезное, а это означает возможность неверного его применения. Если мы хотим определить степень вины наказания в неэффективности противостояния преступности, то давайте тогда изучим полезность общества в устранении первопричин преступности, внешних условий, способствующих совершению преступлений.

Следовательно, в первую очередь, необходимы социальные реформы, которые позволят создать социальный порядок в науке, образовании, религии, во всех формах труда и власти, во всех различных видах просветительных и культурных начинаний, которые взаимно оказывают друг другу внутреннюю поддержку. Этот порядок должен стать союзом против преступности.

Полезность наказания, а значит, и его нравственная сущность, во многом зависит и от учета специфических особенностей психологии каждой нации, сформированных тысячелетиями.

Изучение психологии народа представляется более желательным с практической точки зрения, нежели с теоретической. Поэтому знание психологии своего народа составляет в настоящее время важнейшее условие для законодателя при определении нравственных начал наказания.

Ключевые слова: полезность наказания; цели наказания; преступность; степень эффективности; факторы, определяющие полезность наказания; психология нации.

Полезность наказания - такое его свойство, которое способно приносить выгоду, пользу, добро, предупреждать вред, зло. Поэтому наказание полезно, если оно способно устранить какое-либо большее зло, чем оно само. Следовательно, оно бесполезно в том случае, если, например, путем длительного лишения свободы мы стремимся предотвратить вред, экономическая ценность которого незначительна. Или: вряд ли есть польза от сурового наказания лица за потребление наркотиков, если мы уверены в том, что лишение его свободы не принесет пользы, потому что целесообразнее

всего его лечение. Наказание нравственно обосновано тогда, когда польза от него может быть принесена как обществу в целом, так и отдельным его членам, ибо интересы общества есть интересы индивидуумов и наоборот. Значит ли это, что наказанием мы хотим достичь пользы, в первую очередь, для общества в целом? Ведь в таком случае, возможно, придется отдать предпочтение принципу суровости наказания, в ущерб интересам преступника. Иначе говоря, стремление к достижению наказанием общего блага может быть бесполезным для отдельной личности. Вот почему задача законодателя состоит именно в правильном определении интересов общества в целом и личности индивидуума в частности.

Любая деятельность, в том числе и деятельность государства, имеет определенную цель, иначе эта деятельность является бессмысленной. При этом, соответственно, используется необходимое эффективное средство для достижения этой цели. Однако не любое средство, если даже оно и служит общему благу, может считаться нравственно оправданным, ибо принцип «цель оправдывает средства» сам по себе является безнравственным. Какую же цель преследует государство, применяя наказание?

В юридической литературе господствует понятие «цели наказания», которое, как мы указывали, на наш взгляд, ошибочно [18, с. 200]. «Цель» - это категория не уголовно-правовая, а философская, под которой понимается предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. Гегель писал: «Цель есть ближайшим образом нечто существующее внутри меня, субъективное» [5, с. 39]. Поэтому цель, которую намерено достичь государство посредством наказания, субъективна, поскольку формируется людьми, выражается в законодательстве и реализуется субъективной деятельностью людей. А это значит, что наказание, в принципе, не преследует каких-либо целей, тем более, невозможно перед ним ставить какую-то цель, ибо цели могут быть поставлены субъектами, то есть государством, обществом, властью и т. д., с учетом объективных

возможностей наказания. Следовательно, наказание нужно рассматривать как средство достижения цели, определенную субъектом - государством.

Как известно, преступления наносят существенный вред обществу. Поэтому любое государство стремится предупредить преступные проявления. Именно для этого, как уже было отмечено, оно и использует наказание. Разумеется, государство для достижения поставленной цели может применять и другие средства и возможности. Это есть политика государства по предупреждению преступности, важнейшей частью которой является уголовная политика или, как определяют юристы, уголовно-правовая политика.

Современная уголовно-правовая наука на постсоветском пространстве во многом унаследовала взгляды на понятие «уголовная политика» от советских ученых, которые в качестве элементов уголовной политики называли уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и исправительно-трудовую политику.

В период становления советской власти уголовную политику отождествляли с уголовной репрессией. Такое понимание, естественно, не могло не привести к политическим репрессиям. Поэтому эту уголовную политику правильнее будет считать уголовной политикой по борьбе с оппонентами, а не борьбой с преступностью посредством наказания.

Представляется более правильным рассматривать уголовную политику как одно из направлений социальной политики, то есть как государственную политику в области предупреждения преступности или, выражаясь словами С. К. Гогеля и Ф. фон Листа, как борьбу с преступностью посредством наказания и родственных ему установлений. Хотя понятие «борьба» в данном случае употреблять вряд ли целесообразно, поскольку борьба предусматривает в конечном счете или победу одной из борющихся сторон (в данном случае - или государства, или преступности), или ничью (в этом случае борьба прекращается). Однако, как мы убедились, эта историческая «борьба» продолжается по сегодняшний день и, как нам представляется, вряд

ли завершится победой одной из сторон, пока человечество существует. Поэтому сегодня следует использовать не понятие «борьба» с преступностью, а предупреждение преступных проявлений. Довольно ли государство наказанием в достижении поставленной цели? Имеется ли какая-либо польза от наказания?

Известно, что над этими вопросами задумывались прогрессивные мыслители прошлого - юристы, философы, писатели и представители других наук. С помощью наказания люди во все времена пытались и пытаются сегодня обуздать, искоренить, уничтожить такое зло, как преступление. Для этого было изобретено огромное количество различных видов наказаний разного содержания. И сколько бы ни выступали против применения наказания из-за якобы его неэффективности, бесполезности, тем не менее, история развития человечества подтверждает, что хотя насилие непозволительно ни в каком виде, однако на преступников не следует также воздействовать лишь словом вразумления и убеждения.

Чтобы определить полезность наказания, вначале следует выяснить, какую реальную цель преследует общество с учетом объективных возможностей наказания. При этом, естественно, надо исходить из того, что преступление хотя и является нежелательным, но в то же время оно - закономерный продукт общества, своеобразная патология, не поддающаяся полному уничтожению, о чем мечтали коммунисты и утописты. Принципиальной ошибкой их позиции, а также ученых советского периода был утопический вывод об историческом преходящем характере преступности и объективной возможности избавить человечество от этого социального зла, а также положение о том, что искоренение преступности требует коренных макроструктурных преобразований всей социальной системы.

Считалось, что преступление есть явление, не совместимое с коммунизмом, поэтому моральными, справедливыми, а следовательно, и

допустимыми в борьбе с преступностью должны быть признаны те меры наказания, которые лучшим образом обеспечивают эту борьбу.

П.П. Осипов писал: «Единственно возможный путь к полному устранению преступности из жизни общества - это коренное преобразование всех общественных отношений, прогрессивное изменение социальных условий жизни и деятельности членов общества и совершенствование на этой почве социальных свойств и навыков поведения» [13, с. 35]. Однако нам известно, что история человечества знает различные виды и формы общественного и государственного устройства с разным уровнем социально-экономического развития. Тем не менее, преступность, преступные проявления существуют.

Даже сейчас мы сталкиваемся с тем, как цивилизация чуть ли не ежедневно создает новые преступления, а обществу, соответственно, приходится придумывать (искать) новые способы борьбы с этими проявлениями. Вспоминаются слова великого Ч. Беккариа о том, что цивилизация, как и варварство, дикость, создает особого рода специфическую преступность [3, с. 36]. Итак, постановка цели - уничтожение преступности - не только не реальна, но и утопична. Зная и осознавая это, обществу приходится довольствоваться максимальным уменьшением состояния преступности в целом. Именно для достижения этой цели используется наказание в современных условиях.

Однако следует иметь в виду, что наказание в этой роли выступает как одно из средств в руках общества. Поэтому его полезность и эффективность не представляется возможным определить даже приблизительно, ибо изменение уровня преступности за определенный период времени, да и вообще ее состояние в обществе, во многом обусловлены теми условиями, которые находятся в недостижимости воздействия наказания.

Полезность, эффективность наказания должна быть определена с учетом состояния народа в широком смысле слова, его психологии, обычаев, традиций, исторического развития, а также экономических условий, в

которые он поставлен, ибо внешняя среда, охватывающая широкий компонент обстоятельств, также причастна к совершаемым преступлениям, хотя ответственность несет за преступление только личность. Таким образом, среда, которая дала индивидууму возможность совершить преступление, не подвергается реакции социального организма, поскольку это означало бы признание государством своей вины в совершенном личностью преступлении. Общество, конечно, не отрицает тот факт, что еще существуют условия и обстоятельства, способствующие преступным проявлениям. Поэтому оно старается не карательными методами, а социальными реформами устранить эти проблемы. Следовательно, внешняя среда не может быть объектом наказания, а значит, уголовно-правового воздействия, хотя, как мы отмечали, виновна в существовании преступности. В данном случае, естественно, нельзя путать причины, приведшие человека к преступлению, и условия внешней среды, способствующие совершению этого деяния.

Исходя из элементарной логики, получается, что чем больше виновата внешняя среда, тем меньше вина личности. А это означает, что реакция государства в этом случае должна быть более мягкой, то есть наказание должно быть менее жестким, и наоборот.

Если же исходить из того, что причины преступлений лежат целиком в окружающей внешней среде, то тогда мы должны отказаться от применения наказания и перейти к использованию некарательного воздействия, ибо устранение этих причин - не объект воздействия наказания. Возлагая всю вину за свое поведение на личность, независимо от условий внешней среды, мы тем самым подтверждаем, что причины, истоки преступлений исходят именно от нее. Уголовная политика в этом случае, естественно, должна быть направлена именно на реакцию общества против личности, а значит, на ужесточение наказания, усиление психологического воздействия на население.

Как известно, медицина учит, что, для того чтобы найти средства против какой-либо болезни, надо сперва открыть и изучить причины этой болезни. Следовательно, до тех пор, пока мы не в состоянии понять истинные причины преступного поведения человека и роль внешней среды в этом явлении, нам не представляется возможным говорить определенно о полезности или бесполезности наказания. Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю». Поэтому уместно будет сказать: «Найдите причины, истоки, механизм преступного поведения человека, тогда мы и покончим с преступностью».

Та же медицина считает, что большое значение в развитии болезни, кроме этиологического фактора (то есть причины болезни) и внешних условий, имеют защитно-приспособительные механизмы организма. Поэтому в одних и тех же условиях один способен совершить преступление, а другой - нет.

Как говорил О. де Бальзак, существуют люди-дубы и люди-кустарники. Наверное, под первыми он имел в виду могучие натуры, выходящие с победой из всех соблазнов, избегающие всякого уклонения от принятого ими однажды направления. Сколько таких людей — определить невозможно. Однако для определенной части людей жизнь является целым рядом уступок, так как, не имея силы принудить среду приспособиться к себе, они вынуждены сами приспособляться к среде, обстоятельствам и условиям, которые очень часто способствуют совершению преступлений.

С. Сигеле пишет: «Всякий получает от природы известный характер, дающий известный отпечаток, известную физиономию его поведению и служащий, так сказать, внутренним импульсом, по которому человек и поступает в своей жизни. Чем более глубокий и силен этот импульс, чем характер тверже и цельнее, тем скорее человек будет поступать сообразно с ним, не подчиняясь внешним влияниям; точно так же и ружейной пуле тем труднее уклониться от принятого направления под влиянием встречных

препятствий, чем больше была та начальная скорость, с которой она была выброшена» [20, с. 99].

Каждое общество стремится к тому, чтобы ни один человек не совершал преступлений. А это значит, выражаясь словами Ницше, «сделать человека до известной степени необходимым, однообразным, равным среди равных, регулярным и, следовательно, исчислимым» [12, с. 295]. Но возможно ли, чтобы все люди одинаково думали, одинаково жили, ели одно и то же, одинаково поступали и т. д.?

А ведь нравственные, правовые, религиозные нормы не дают возможности человеку поступать так, как он хочет, как было тогда, когда он принадлежал самому себе и был равным лишь самому себе, ибо он не был ограничен в своем поведении и мышлении ни нравственными, ни правовыми, ни религиозными правилами. История развития человечества подтверждает, что невозможно даже в этих указанных нормах заставить всех быть одинаковыми. Следовательно, можно утверждать, что существование отдельных индивидуумов, поступающих по-своему, в противоречии с нравственными, правовыми и религиозными правилами, было, есть и будет всегда, ибо невозможно никакими средствами, за исключением, наверное, медицинских препаратов, подавить, вытеснить *инстинкт свободы*.

И в преступлении человек, в принципе, демонстрирует сознание собственной свободы, которая присуща ему от природы. Этот насильственно подавленный инстинкт свободы, как мы уже поняли, этот вытесненный, выставленный, изнутри запертый и, в конце концов, лишь в самом себе разрешающийся и изливающийся инстинкт свободы - вот чем только и была вначале нечистая совесть [12, с. 295].

К сожалению, объективные возможности наказания ограничены, ибо кроме устрашительных свойств оно ничем не обладает. Поэтому, если сегодня задаются вопросом: почему, собственно, наказывают, отвечаем: чтобы посредством устрашения подавить инстинкт свободы, который присущ человеку от природы. Наказанием мы можем достичь увеличения

страха и подавления страстей, и тем самым приручаем человека, но наказание не делает его лучше, воспитаннее.

Полезность наказания для нас трудно определима до тех пор, пока преступление является феноменом загадочным, тайным, необъяснимым, ибо мы еще не знаем его причины. Объяснить любое явление - значит понять его причины, а признать явление беспричинным - значит признать его необъяснимым, чудесным. Может быть, действительно, преступление — явление беспричинное? Что же такое понятие *причина*, без уяснения которого невозможно докопаться до истоков, толкающих человека к совершению преступления?

Знаменитый английский философ-скептик Д. Юм подверг более тщательному анализу понятие причины и пришел к следующим выводам: причинная связь явлений есть лишь зависимость одних явлений от других. Рассматривая происходящие явления, он увидел, что для наступления каждого данного явления необходимо, чтобы ему предшествовало одно или несколько явлений. Явление, неизменно предшествующее другому, называется его причиной, а неизменно последующее - следствием.

Значит, причинение есть не что иное, как последовательность явлений. Человеческому уму доступно наблюдение только этой последовательности явлений. Причиной каждого явления нужно признать только другое явление, без которого первое не произошло бы. Представить себе причину независимо от произведенного ею явления невозможно, невозможно логически, алогически невозможное является бессмыслицей.

Учение Д. Юма разделяется Дж. Миллем, хотя и с определенной оговоркой. Он признает причиной не одно какое-нибудь явление, предшествующее результату, а их совокупность.

Можно ли использовать эту теорию, точнее, взять ее за основу при объяснении причин преступного поведения?

Мы согласны с общепризнанной истиной, что явлений без причины не существует. Вот почему и преступление как социальное явление подчинено

причинной связи. Однако существуют явления совершенно различного характера и содержания. Преступление тем и отличается от других явлений природы, что оно совершается людьми, а человек, как известно, может захотеть или не захотеть совершить преступление. Иными словами, человек может и не подчиняться внешним обстоятельствам и условиям, тогда, естественно, не будет и результата, а причина познается только из результата. Например, человек предпочитает умереть с голоду, чем украсть. В данном случае существуют обстоятельства для совершения кражи, однако результата, то есть преступления, нет, а значит, и нет причины.

Можно привести огромное количество примеров, когда воля человека не подчинена условиям и обстоятельствам, какими бы сильными и тяжелыми они ни были. Поэтому стать преступником - это не судьба твоя, а твой выбор, и ошибочно утверждение о том, что «преступник - все же жертва общественных условий, ведь воля его определяется условиями» [15, с. 32]. Почему-то философия пытается отнести вопрос о свободе воли только к предмету своего познания, вырывая эти проблемы из области других конкретных наук, в частности психологии и психофизиологии, а ведь в основе волевых актов лежит рефлекс высших мозговых центров.

Психофизиология призвана изучать физиологический, нервный механизм волевых актов при совершении преступлений, а психология исследует взаимные отношения, взаимные зависимости психических процессов человека при совершении преступления: ощущения, желания, сознание, чувство страха о наказании и т. д.

Физиологические состояния и внешние обстоятельства, воздействуя на сознание, возбуждают в сознании человека стремление к совершению преступления. Поэтому общество, ответственное за условия среды и уровень социального благополучия, должно осознать и свою вину в существовании преступности и путем смягчения характера наказания идти на уступки личности. Естественно, это относится к тем странам, где личность и ее свободы являются наивысшей ценностью. Однако вернемся к рассмотрению

вопроса относительно полезности наказания. За последние годы появилось достаточно много работ, посвященных эффективности уголовного наказания. И, несмотря на то, что авторы высказывают самые различные точки зрения по этому вопросу, в конечном счете, все сходится на том, что при определении полезности следует придерживаться формулы «цель - результат».

Мы также считаем, что определить степень реализованности, действенности наказания целесообразно путем соотношения поставленной цели и полученного результата. При этом, естественно, следует иметь в виду, что между поставленной обществом целью - систематическим уменьшением состояния преступности в целом, ее тяжких и особо тяжких видов в частности, и фактическим *результатом* существует довольно значительная дистанция, которую следует преодолеть. На этом пути может быть целый комплекс взаимосвязанных обстоятельств, влияющих на эффективность достижения. Сложность определения *полезности наказания* связана также с неопределенностью, неясностью самой цели, в отличие от результата, который свободно и точно выражается в числовых показателях.

Иначе говоря, если результат достижения возможно «материализовать», «овеществить посредством введения соответствующих показателей, которые придают ему количественную и качественную определенность, то в отношении цели этого сделать невозможно. Чтобы измерить величину цели, необходимо найти отношение измеряемой величины к другой однородной величине, принятой за единицу измерения. А для этого нужно, прежде всего, провести их сравнение, то есть, во-первых, найти непосредственный эталон оценки, во-вторых, выразить в однозначных единицах измерения как цель, так и результаты. Поэтому, чтобы измерить, хотя бы приблизительно, эффективность наказания, необходимо выразить предварительно цель, поставленную обществом, и результаты в соотносимых единицах измерения, для чего требуется разработать систему показателей.

Так, например, чтобы определить эффективность пожизненного лишения свободы, заменившего смертную казнь, можно провести сравнительную характеристику между показателями уровня преступлений, за которые по законодательству предусмотрена эта мера наказания. Если уровень этой категории преступлений системно идет к увеличению, то можно предположить, что смертная казнь была более эффективна, чем ее альтернатива.

Этот же метод можно использовать при определении эффективности лишения свободы, в случае изменения его границ, то есть при увеличении или уменьшении его пределов. Поэтому измерение эффективности наказания посредством числовых показателей невозможно. Они могут основываться на относительных величинах числа: низкая, средняя, максимальная; худшая, средняя, лучшая; малая, средняя, большая. Мы предлагаем выделить четыре условных ступени эффективности уголовного наказания, в зависимости от существующего результата преступности: высокоэффективная, среднеэффективная, малоэффективная, неэффективная (нулевая эффективность).

Высокоэффективная ступень - результат оказался настолько положительным, что равен либо приближается к идеалу, задуманному как цель. Следовательно, наказание сдерживает людей от совершения преступления, а значит, оно оценивается как средство полезное, основанное на нравственных началах.

Среднеэффективная ступень - наказание не в состоянии сдерживать определенную часть населения от преступлений. Преступность существует, хотя ее уровень и невысокий. Полезность наказания средняя.

Малоэффективная ступень - результат оказался значительно ниже намеченной цели. Уровень преступности относительно высокий и стабильный. Тенденции к снижению не наблюдается. Наоборот, идет рост отдельных категорий преступлений. Одна из причин заключается в том, что

устрашительно-предупредительная сила наказания слишком незначительная. Полезность такого наказания сомнительна.

Неэффективная ступень - наказание как средство против преступных проявлений не способно принести положительных результатов, ибо уровень преступности очень высокий и идет тенденция к ее росту. Можно утверждать также и о бесполезности наказания. Однако вряд ли всю вину надо сваливать на наказание, так как в предупреждении преступлений «союзником» наказания, условно говоря, является само общество, которое обязано выполнять свою задачу в этом мероприятии. Поэтому, когда мы говорим о бесполезности наказания, нельзя забывать, что его возможности ограничены и что на результат оказывают влияние многочисленные условия и обстоятельства социального порядка, в том числе экономическая и политическая ситуация в стране. Недостижение цели еще не значит, что средство бесполезное, а это означает возможность неверного его применения. Если мы хотим определить степень вины наказания в неэффективности противостояния преступности, то давайте тогда изучим полезность общества в устранении первопричин преступности, внешних условий, способствующих совершению преступлений.

Следовательно, в первую очередь, необходимы социальные реформы, которые позволят создать социальный порядок в науке, образовании, религии, во всех формах труда и власти, во всех различных видах просветительных и культурных начинаний, которые взаимно оказывают друг другу внутреннюю поддержку. Этот порядок должен стать союзом против преступности.

В свое время Ф.Ф. Лист писал: «Подобно тому, как гигиене уже удалось продлить человеческую жизнь, социальные реформы, народное образование и справедливость в управлении призваны уменьшать преступность. Это - не утопия, а совершенно определенная и вполне доступная задача» [9, с. 103]. Социальные реформы, как известно, зависимы от экономического положения общества, которое следует понимать не только как богатое или бедное

государство, а как общее положение населения не только в финансовом, но и в духовном, нравственном и политическом отношении.

Рост экономического положения общества должен происходить именно исходя из этого принципа. Нельзя забывать, что только высокий уровень развития народа (моральное, экономическое, культурное, правовое, политическое, психологическое, религиозное и т. д.) может привести к значительному уменьшению нравственного и правового зла. Против преступления мы должны действовать не одним наказанием, а еще и средствами, парализующими внешние условия, которые вызывают к деятельности порочные, злые силы человеческого организма. Иначе говоря, *мы должны действовать не только устрашением, наказанием, но и средствами, способными истребить сами причины, изменить характер самих факторов преступлений.* Так, например, большинство из преступлений против личности обуславливается исключительно складом характера и темпераментом того или иного лица - в этом никто не сомневается.

Но подавить в себе то или другое движение чувств и страстей может только лицо с развитым взглядом на жизнь, развитыми убеждениями, с выработанными правилами для действия. Чем неразвитее, необразованнее человек, тем менее он будет иметь возможности подавить свои преступные наклонности. Великий Вольтер когда-то сказал: «Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны» [24, с. 427]. Поэтому самым лучшим средством против наклонности к преступным посягательствам на личность является развитие духовной стороны человека, его разума и голоса совести. А это уже выходит за пределы объективных возможностей уголовного наказания, ибо оно *не в состоянии парализовать злое намерение человека только своими собственными силами, так как наказание действует не на внешнюю причину преступления, а на внутреннюю волю.*

Наказание является как бы тормозом, удерживающим человека от совершения преступного поступка посредством устрашения, но не

средством, искореняющим преступление как социальное явление. На этом возможности уголовного наказания исчерпываются. Государство, влияя на условия внешней среды, тем самым влияет и на направление деятельности человека. Однако мы ни в коей мере не должны умалять значение наказания в предупреждении преступлений. Устрашением наказание фактически противостоит тем качествам, потребностям, желаниям, которые толкают человека на совершение преступления, предупреждая его о невыгодных последствиях. По мнению Б.С. Волкова, «мысль о наказании, если даже не уничтожает намерение совершить преступление, во всех случаях играет роль противодействующего стимула, на фоне которого более отчетливо проявляется стойкость и активность антиобщественной установки, сила и стремительность господствующих побуждений» [4, с. 119].

Как отмечалось, уже с момента вступления в силу закона начинается процесс реализации предупредительно-устрашительного воздействия наказания, который обнаруживается в двух направлениях. Оно оказывает общее влияние на сознание населения, напоминая о своем существовании и о том, что грозит тем, кто намерен совершить преступление. Это и есть реализация устрашительного воздействия наказания, которое осуществляется в форме психологического противодействия преступлению, а не физического удержания от преступного намерения.

Таким образом, устрашением наказание воздействует на психику человека, пробуждая в нем чувство страха, заставляя его соотносить свое поведение с установленными требованиями.

Трудно, конечно, определить, какая часть населения не совершает преступлений под психологическим воздействием наказания, но то, что сознание наказуемости поступка является важнейшей частью психологического содержания волевого процесса и выступает контрмотивом антиобщественного поведения, не вызывает никакого сомнения, о чем свидетельствует повседневная практика. Поэтому логично предположить, что представление о строгости наказания, то есть о силе устрашения, имеет

немаловажное значение в создании эффекта торможения при намерении совершить преступление. Однако надо всегда помнить, что наказание не должно переходить меру справедливости. Но как определить, что выбор характера и пределов наказания оказался правильным и что оно будет полезным и эффективным, а значит, и нравственно оправданным? Ведь законодатель при построении уголовно-правовой санкции дает только конкретную оценку степени общественной опасности преступления и на этой основе принимает решение. Однако наказание, принимаемое законодателем сегодня, обращено в будущее, ибо ему не безразлично, какое оно окажет предупредительное воздействие на все население.

А это означает, что уже в процессе формирования наказания необходимо в какой-то мере предвидеть будущий результат санкции. Именно в этом моменте и заключается *прогностический аспект* построения уголовно-правовой санкции. Вероятностные элементы попадают в определение мер наказания еще тогда, когда законодатель, формируя санкции норм уголовного права, стремится достичь наказанием непосредственно практических целей. Иначе говоря, перед ним всегда стоит вопрос: достаточно ли определяемое и принимаемое наказание для того, чтобы оно оказало влияние, воздействие на население в целях предотвращения совершения преступлений? Возможно, что для законодателя не важно, в 20 или 25 лет следует предусмотреть максимальный срок лишения свободы за умышленное убийство, однако это имеет большое значение для преступника, а еще большее - для населения, ибо наказание в момент принятия, то есть законотворчества, в первую очередь направлено именно на общество.

Многие проблемы полезности сегодняшнего наказания непосредственно связаны именно с невозможностью предвидеть будущий результат принимаемого в настоящем решения. Поэтому мы вынуждены сталкиваться с прогнозированием, функция которого заключается в его способности отвечать на следующие вопросы. Чего следует ждать от наказания? К чему

следует готовиться? На что можно надеяться? В чем можно быть уверенным? Чего следует опасаться? Все эти вопросы подсказывают нам, что «функция законоотворчества не ограничивается лишь пассивным отражением и закреплением соответствующих общественных отношений. К числу этих функций относится «забегание вперед», что достигается посредством опережающего видения регулируемых общественных отношений, представляющего собой процесс, в котором опыт прошлого и настоящего проецируется на будущее» [6, с. 105].

Если считать, что опережение событий есть, прежде всего, активное поддержание поставленной цели до момента ее реализации, то прогнозирование уголовного наказания - это, на наш взгляд, определение комплекса возможных вариантов перспективного развития его воздействия на все население путем использования широкого диапазона специальных методов, обеспечивающих научную обоснованность и достаточную точность выдвинутого проекта. Проще говоря, задача прогнозирования, осуществляемая в сфере уголовного правотворчества, заключается в определении наиболее эффективного и целесообразного наказания, о результатах которого нам будет известно в будущем в процессе его реализации.

А это значит, что для определения конкретного уголовного наказания, то есть при построении уголовно-правовой санкции, законодатель должен составить соответствующую программу, включающую в себя четкое и конкретное изложение этапов и целей, методов сбора и обработки первичных данных относительно структуры, динамики состояния преступности в целом, а также конкретного вида преступлений. Однако следует иметь в виду, что прогнозирование результатов уголовного наказания представляет собой значительную трудность не только потому, что они могут быть выявлены только в будущем, но и из-за сложности прогнозируемого явления, поскольку речь идет о поведении индивидуума, о психологическом восприятии человеком угрозы наказания и т. д. Поэтому прогнозирование в

уголовном правотворчестве - процесс, постоянно повторяющийся и по сути своей непрерывный, требующий систематических уточнений по мере накопления новых данных о воздействии наказания на население, его эффективности в достижении поставленной цели, то есть процесс получения информации о «работающей» на практике санкции и ее корректировка - постоянны.

Следовательно, одним из важных условий эффективности прогноза в уголовном правотворчестве является обладание законодателем максимально полной и объективной информацией о прогнозируемом объекте, состоянии преступности, практике применения и исполнения наказания, механизме и степени удерживающего воздействия наказания на население, об уровне правосознания граждан. Итак, без всякого сомнения, проблема прогнозирования при построении уголовно-правовой санкции приобретает особо важное значение, поскольку цена последствий от практического внедрения эффективного либо имеющего значительные негативные последствия наказания велика. Но возможно ли такое прогнозирование? Если исходить из утверждения науки о том, что «будущее существует и что в настоящее время оно в значительной степени познаваемо для человека» [25, с. 96], то возможно, но в определенных рамках достоверности. Дело в том, что предсказуемы общие свойства и закономерности, отражающие устойчивые причинно-следственные отношения, хотя и для них не существует абсолютной детерминированности, поскольку всегда имеется неопределенность конкретной реализации закономерностей, которая не может быть разрешена в процессе прогнозирования. Это означает, что точный прогноз результатов уголовного наказания, обращенного в будущее, невозможен, ибо единичные события, к которым относится и воздействие наказания на конкретного индивидуума, не могут быть предметом прогноза. Невозможность непосредственного экспериментального контролирования результатов наказания оставляет во многих случаях открытым вопрос о подтверждении правильности или ошибочности выводов, поскольку на

данном этапе развития науки для решения этой проблемы отсутствуют достаточные логические и практические средства.

Дело в том, что прогнозирование будущих результатов наказания отличается невозможностью «сиюминутной» практической проверки истинности, обоснованности, надежности прогнозов, так как существует сдвиг во времени проверки теории на практике от процесса ее формирования.

Наличие такого временного интервала создает некоторую неопределенность, поскольку к моменту окончательной проверки теории материальные объекты, которые она отражает, могут претерпеть существенные изменения. Однако все это не является основанием для отказа от прогнозирования результатов наказания в процессе уголовного правотворчества. Еще А. Пуанкаре предупреждал: «Лучше предвидеть без абсолютной уверенности, чем не предвидеть вовсе» [17, с. 159].

В той или иной отрасли знания прогностическая функция проявляется по-разному: в физике - иначе, чем в истории или философии, в медицине по-другому, нежели в социологии или юриспруденции, но в каждой науке эта функция проявляется обязательно. Горизонт прогнозирования в юридической науке чрезвычайно широк. Он может охватывать как практически прикладные вопросы правового развития, так и глобальные фундаментальные, крупномасштабные проблемы будущего изменения правовой системы в перспективе - прогноз развития правовой системы, планирование законодательной деятельности на длительную перспективу [6, с. 282].

Впервые о юридическом прогнозировании ученые заговорили в конце 60-х - начале 70-х годов прошлого века. Авторы, уделявшие внимание прогнозированию в правоведении, считают юридическое прогнозирование одним из видов социального прогнозирования [19]. Так, М.Д. Шаргородский писал: «Прогноз социальных явлений может вызвать у государства, общественных, политических организаций и т. д. целенаправленные действия, в частности издание новых правовых норм, которые должны

привести к изменениям в прогнозируемых общественных процессах, к изменениям, с точки зрения их ускорения, создания, преобразования, сдерживания и других модификаций последних. Таким образом, возникают прогнозы с информационной обратной связью. Именно эти прогнозы, между которыми и деятельностью человека имеется информационная обратная связь, представляют для правовой науки особый интерес» [23, с. 42].

Однако, хотя в настоящее время прогнозирование проникло и в юридическую науку, но, к сожалению, оно в основном ограничивается выполнением диагностической и этиологической функций и меньше заботится о своих прогностических обязанностях.

Итак, прогнозирование в уголовном правотворчестве дает возможность увеличить коэффициент полезности наказания, а значит, делает его более эффективным.

Когда мы рассматриваем вопрос о полезности наказания и ищем пути повышения его эффективности, следует учитывать, что наказание - динамический процесс, состоящий из неразрывно взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов: *наказание в чистом виде, то есть уголовно-правовая санкция, назначение и исполнение наказания*. Поэтому уровень нравственности наказания следует оценивать не только по его характеру, определяемому в законе, но и по тому, как оно реализуется на практике. В юридической литературе этот динамический процесс совершенно справедливо именуют *наказыванием*.

К сожалению, мы, как правило, достаточно тщательно и глубоко изучаем отдельные части, этапы этого процесса, в ущерб целому, забываем, что «познать части без знания целого так же невозможно, как познать целое без знания его частей» [14, с. 536].

Поэтому представляется актуальным обратить особое внимание на изучение понятия и сущности процесса наказывания, ибо эффективность уголовного наказания невозможно оценивать только по результатам отдельно взятой стадии процесса наказывания, а следует определять по достижении

той основной и единственной цели, которую общество ставит перед собой, - предупреждения преступлений. Известно ведь, что недостатки уголовного правотворчества в части определения характера наказания в законе в последующем дополняются неэффективностью правоприменительной деятельности.

М.И. Ковалев одним из первых предложил различать «наказание» как понятие и как процесс наказывания [7, с. 124], хотя в начале прошлого столетия в Германии получила довольно широкое распространение так называемая динамическая теория уголовного наказания. Сейчас к такому же выводу пришли и другие авторы [11; 21; 8].

Сказанное выше Б. Паскалем, несомненно, относится и к наказанию как части, и к наказыванию как целому. Если под системой принято понимать совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих единое целое, обладающее новым интегральным качеством, не сводимым к свойствам ни одного из элементов, то, несомненно, *наказывание* следует рассматривать как систему, ибо оно состоит из целостного комплекса трех взаимосвязанных между собой элементов: *наказание-угроза*, предусмотренная в уголовном законе, *наказание-возмездие* как реализация правосудия, а также как *наказание-кара* в процессе исполнения приговора.

Всякая система - это, прежде всего, совокупность, набор (множество) элементов, между которыми существуют определенные отношения. Любая система обладает обязательным свойством целостности. На это обратил внимание Б.В. Ахлибинский [2, с. 150-151], а также Н.М. Амасов, подчеркивающий, что «всякая система представляет собой некоторое количество... элементов, объединенных связями таким образом, что обеспечивается целостная функция» [1, с. 4].

Процесс наказывания следует рассматривать не как простое соединение различных элементов, а как систему, обладающую целостностью, организованностью, обратными связями между элементами. Процесс наказывания представляет собой структурированную целостность,

внутренние элементы которой - наказание-угроза, наказание-возмездие и наказание-кара - имеют четко выстроенный характер, находятся во взаимосвязи и функционируют в целях достижения определенного результата - предупреждения преступлений.

Элементы подсистемы этой системы настолько целостны, что отсутствие одного из них уничтожает всю систему процесса наказывания. Не может быть наказания-возмездия, если нет наказания-угрозы, так же как и наказания-кары без осуществления правосудия. Эффективность всей системы наказывания зависит от действенности каждой подсистемы в отдельности и, более того, от их уровня взаимодействия.

Иначе говоря, элементы системы наказывания зависят друг от друга, и если одна из них оказывается неспособной, неэффективной в достижении поставленной обществом цели предупреждения преступлений, то это влияет на результат всей системы и на остальные подсистемы в отдельности, по цепочке.

Таким образом, составные части системы наказывания существуют не только сами по себе, а характеризуются наличием обратных связей. Законодатель может найти самое оптимальное наказание-угрозу, но если при этом функционирует несправедливое правосудие или же неэффективное исполнение наказания, то, естественно, рассчитывать на положительный результат системы наказывания не приходится.

Следует отметить, что система наказывания сама является частью более широкой системы: политики государства по предупреждению преступности, куда, помимо уголовной политики, входит также социальная политика. В то же время подсистемы системы наказывания рассматриваются как самостоятельные системы, имеющие свои элементы. Управляема ли система наказывания или нет?

Известно, что все социальные явления как динамические системы обладают свойством непрерывно изменяться, развиваться и совершенствоваться. Это имеет отношение и к системе наказывания, которая

периодически подвергается изменению под влиянием различных объективных и субъективных причин. Порой эти изменения оказывают отрицательное влияние на конечный результат по предупреждению преступлений, что свидетельствует о росте преступности.

По типу связей системы делятся на: жестко детерминированные и вероятностные. Эти два предельных случая реализуются в объективной действительности довольно редко и представляют собой, скорее, нашу идеализацию реальных систем, большинство из которых располагается в промежутке между двумя предельными случаями.

Система наказания относится к системам социальных организаций и поэтому характеризуется вероятностью достижения результатов, то есть прогностической сущностью. Именно по этой причине она в полной мере не поддается целенаправленному воздействию. Следовательно, система наказания не совсем управляема. Все подсистемы наказания также характеризуются по достижении поставленной цели прогностической сущностью. Это относится и к наказанию-угрозе, и к назначению и исполнению наказания. Ограниченная управляемость не позволяет нам создать высокоэффективную систему наказания и достичь максимального уровня предупреждения преступлений. Однако это не означает, что мы должны сидеть сложа руки. К сожалению, наука уголовного права слишком много внимания уделяла изучению теоретических проблем наказания, но совершенно забыла об исследовании как теоретических, так и практических путей повышения эффективности целостной системы наказания.

Полезность наказания, а значит, и его нравственная сущность, во многом зависит и от учета специфических особенностей психологии каждой нации, сформированных тысячелетиями.

Известно, что психология народа может иметь применение во многих случаях. Она дает возможность понять множество исторических, экономических, культурных фактов, которые без нее были бы совершенно необъяснимы. Из психологического склада народа вытекает не только

понятие о мире и жизни, но и правила поведения в совместном проживании, формы и способы регулирования отношений между членами общества.

Изучение психологии народа представляется более желательным с практической точки зрения, нежели с теоретической. Поэтому *знание психологии своего народа составляет в настоящее время важнейшее условие для законодателя при определении нравственных начал наказания.*

Существует что-то, что объединяет индивидов в массу, образуя единство. Этим связующим элементом, помимо общих нравов, является то, что необходимо, выгодно для всех членов общества: правопорядок, уважение к праву, закону. Отступление кого-либо от этого правила должно быть осуждено обществом, в первую очередь с моральной точки зрения, а затем - с правовой. А это возможно в обществе с высокими моральными ценностями, с высоким уровнем развития.

В психологии существует утверждение, что «масса» способна решающим образом влиять на душевную жизнь отдельного человека, в результате чего происходит душевное изменение. Г. Лебон в своей работе «Психология народов и масс» пишет, что в психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятия, характер и степень интеллигентности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы [10, с. 7].

Есть идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массы. Из этого высказывания Г. Лебона можно заключить, что психологическое воздействие массы населения эффективнее, чем психологическое воздействие наказания.

Основываясь на чисто анатомических признаках, таких как цвет кожи, форма и объем черепа, стало возможным установить, что человеческий род

состоит из многих совершенно различных видов и, вероятно, очень различного происхождения.

По мнению Г. Лебона, что бы человек ни делал, он всегда и прежде всего представитель своей расы. Тот запас идей и чувств, который приносят с рождения на свет все индивидуумы одной и той же расы, образует душу расы. Невидимая в своей сущности, эта душа очень видима в своих проявлениях, так как в действительности она управляет всей эволюцией народа [10, с. 13].

Каждый народ обладает столь же устойчивой психической организацией, как ее анатомическая организация. Несомненно, среда и воспитание действуют на побочные и непостоянные особенности характера, но «нисколько не задевают его основных черт или задевают их лишь путем очень медленных наследственных накоплений» [10, с. 20].

Мы можем человеку дать совокупность познаний в области права, культуры общения, норм морали и т. д. Но это не окажет сильного воздействия на его характер. Кто-то сказал, что если бы африканец и кавказец были улитками, то все зоологи единодушно утверждали бы, что они составляют различные виды, которые никогда не могли произойти от одной и той же пары, от которой они постепенно отдалялись.

Все сказанное свидетельствует о том, что *в настоящее время знание психологии своего народа является мощным средством в руках законодателя для создания эффективной системы наказания, а также при определении отношения к смертной казни. Это представляется желательным и возможным не только с теоретической точки зрения, а в большей степени с практической стороны. Различные народы не могут ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаковым образом. Пропасть между психическим складом различных народов объясняет нам, почему невозможно одинаковой системой наказания воздействовать на людей с различным агрегатом общих психологических особенностей.*

Г. Лебон, рассматривая главные психологические признаки человеческих рас, разделял их на следующие четыре группы: первобытные, низкие, средние и высшие расы.

Первобытные расы - те, у которых не находят ни малейшего следа культуры и которые остановились на той эпохе первобытной животности, какую переживали наши предки в каменном веке. К средним расам он относит китайцев, японцев, монголов и семитические народы. Среди высших рас могут занимать место только индоевропейские народы. Он полагал, что, как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тем высоким уровнем, какого достигла ныне цивилизация [10, с. 21].

Психология утверждает, что национальный характер - важнейшая особенность, через которую можно различать психологический склад народов, наций. Именно по характеру народа, но не по уму, определяют его развитие в истории. Нельзя забывать, что влияние наших предков на наши поступки и поведение, наряду с влиянием родителей и среды, занимает важнейшее место. Поэтому современному народу, его представителям порой очень трудно уклониться от законов, обычаев, традиций, которым подчинялись их предки, даже если они и противоречат действующему законодательству. А это означает, что система наказаний должна не противоречить, а, наоборот, максимально учитывать эти обстоятельства. Итак, несомненно, на причины поведения людей, в том числе и преступного, агрессивного, оказывают влияние психофизиологические особенности личности. Следовательно, отличительными, особенными, специфическими, а не шаблонными, должны быть и средства противодействия в форме психологического воздействия и устрашения.

Библиография

1. Амасов Н.М. Моделирование сложных систем. Киев, 1968.
2. Ахлибинский Б.В. Информация и система. Л., 1969.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
4. Волков С. Мотивы преступлений. Казань, 1982.
5. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. VII. М.; Л., 1934.
6. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011.
7. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Свердловск, 1971.
8. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Красноярск, 1991
9. Лист Ф.Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2004.
10. Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2000.
11. Марцев А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. М., 2001.
13. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976.
14. Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. М., 2003.
15. Платонов И.В. Популярные лекции по уголовному праву. СПб., 1901.
16. Право и социология. М., 1973
17. Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М., 1904.
18. Рагимов И.М. К вопросу о кризисе наказания / Юридические науки и образование, №40, Баку, с. 186-210.
19. Сафаров Р.А. Прогнозирование и юридическая наука //Сов. государство и право. 1969. №3.
20. Сигеле С. Преступная толпа//Преступная толпа. М., 1999.
21. Сыч К.А. Указ. соч.

22. Управление. Социология. Право. М., 1973.
23. Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая наука//Правоведение, 1971, №1.
24. Энциклопедия афоризмов. М., 2003.
25. Fontastie J. Die groobe Metamorphose des 20. Jahvunders. Düsseldorf; Mien, 1964.